

Крепкий Коготь и Сильно Кусающий помогли Зоркому Глазу разместить ловушку, в которую попался бы любой, пытающийся добраться до него. Затем они удалились на оговоренное расстояние. Зоркий Глаз сконцентрировался на Проворных Пальцах, сосредотачиваясь на чувстве, которое он приобрёл во время их коротких встреч. Затем он преобразовал свой мыслеголос в ноты гнева и боли. Он позволил себе вспомнить Красного Утёса таким, каким тот был во время их последней встречи, наполовину обезумевший от горя из-за своей любимой Прекрасного Ума, слабый телом, потому что он продолжал настаивать на том, чтобы часть его еды была отдана либо его супруге, либо их котяткам.

Зоркий Глаз превратил изображения в насмешку. <Я подозреваю, что тот, кто убил Красного Утёса, считает себя героем, защищающим свою территорию. Какой герой убивает для удобства?>

Превращение воспоминаний в связные мысленные изображения было болезненным само по себе. Зоркий Глаз позволил этой боли усилить сообщение. Он показал слушателю, где находится, как сидит на территории клана Окутывающих Деревья.

Сначала Зоркий Глаз подумал, что его план заманить к себе Проворные Пальцы провалился. Он позволил отчаянию окрасить его мыслеголос. Возможно, именно это и заставило Проворные Пальцы наконец-то услышать его.

Проворные Пальцы заговорил с Зорким Глазом, разум с разумом.

<Что ты имеешь в виду этим оскорблением?> сказал Проворные Пальцы с негодованием. <Если твой брат по клану мёртв, мы не имеем к этому никакого отношения. Если этот Красный Утёс был таким слабым, как ты говоришь, возможно, он стал жертвой молодой клыкастой смерти или стаи крылатых смертей.>

В ответ Зоркий Глаз прислал подробное изображение тела Красного Утёса в том виде, в каком он его нашёл, изрезанного когтями и окровавленного, но без каких-либо признаков того, что какая-либо его часть была съедена, что, несомненно, произошло бы в случае, если бы убийца был одним из предполагаемых грозных хищников. Он сосредоточился на том, чтобы показать, что эти раны очень похожи на раны, нанесённые когтями кота.

Ответ Проворных Пальцев был не столько утверждением, сколько выражал чувство неуверенности, намёк на то, что, возможно, Зоркий Глаз не всё рассказал.

Обдумывая свой ответ, Зоркий Глаз также почувствовал первые намеки на мыслесвет другого кота. В нём он не почувствовал никаких признаков того, что Проворные Пальцы призывал на помощь других из его клана. Он не мог быть уверен, было ли это из-за того, что Проворные Пальцы был молод и импульсивен, или потому, что обвинение Зоркого Глаза в адрес всего клана Окутывающих Деревья сделало его неуверенным.

Зоркий Глаз продолжал излучать свой гнев и горе, свою уверенность в том, что его товарищ по клану был убит другим котом и что убийца принадлежал к собственному клану Проворных

Пальцев. Он сохранял свой мыслеголос узко сфокусированным, так что то, что он говорил, было слышно только Проворным Пальцам. Он стремился дезориентировать Проворные Пальцы, чтобы молодой кот рвался вперёд, прыгая от места к месту, не особо задумываясь о том, что он может встретить в конце пути.

Зоркий Глаз знал, что его собственный мыслесвет будет отражать его текущее состояние. Для Проворных Пальцев его мыслесвет будет яркой эмоциональной бурей, в которой нынешний сильный гнев и горе будут преобладать над менее непосредственными эмоциями. Зоркий Глаз знал, что его собственное волнение от того, что его план, кажется, работал, сольётся с этой бурей. В такой ситуации возбуждение и напряжение были естественными. В самом деле, ему пришлось бороться с собой, чтобы не атаковать, когда Проворные Пальцы наконец выбрался из-под укрытия деревьев. Вместо этого Зоркий Глаз изменил свое положение так, чтобы когда Проворные Пальцы прыгнул в следующий раз, он приземлился бы прямо в ловушку, приготовленную для него.

Проворные Пальцы прыгнул. Расставленная сеть превратилась в шар с Проворными Пальцами внутри.

Прежде чем Проворные Пальцы успел позвать на помощь свой клан, Острый Глаз оглушил его командным криком.

<Стой и слушай!>

С быстротой мысли Зоркий Глаз передал Проворным Пальцам ту часть истории с Красным Утёсом, которую он скрывал до сих пор — как, когда он нашёл тело своего убитого друга, над ним издали насмехался Бич Пловца. Зоркий Глаз с самого начала думал поделиться этим воспоминанием, но он решил не делать этого, потому что беспокоился, что вместо того чтобы бежать вперёд в негодовании в защиту своего дяди, Проворные Пальцы, возможно, предпочёл бы столкнуться с Бичом Пловца.

Теперь идеальная в каждой детали память поразила Проворные Пальцы как удар. Он перестал бороться с туго натянутой сетью и безвольно повис.

<Бич Пловца сказал это тебе?> В этом не содержалось никаких сомнений в точности сообщения Зоркого Глаза об этом событии, только шок и боль из-за того, что тот, кого, как считал Проворные Пальцы, он хорошо знал, был способен на такую жестокость. <Я знал, что Бич Пловца безмерно свиреп в своем желании защитить территорию нашего клана. Он сказал, что нашествия огня нам было достаточно. Он не потерпит нового вторжения. Но... что он может убить твоего Красного Утёса, затем хвастаться этим перед тобой, а затем вернуться в клан и ничего не раскрыть...>

<Он ничего не сказал Окутывающим Деревья?>

<Ничего. Конечно, можно было сказать, что он был переутомлён и взволнован, но все мы тоже. В последнее время в клане было много споров. Есть два мнения относительно того, где мы должны разместить наше зимнее центральное гнездовье. Есть те, кто считает, что мы должны позволить вашему клану пройти через наши земли, и другие, которые с такой же уверенностью

говорят, что мы должны выгнать вас оттуда, где вы сейчас находитесь. Есть также много других, более мелких аргументов, так что наши певицы памяти и целители разума измучены, пытаясь их примирить.>

Проворные Пальцы легко мог бы полностью разделить все подробности этих клановых споров с Зорким Глазом. Однако он явно чувствовал, что у него нет причин доверять ему. Тем не менее, хотя Проворные Пальцы мог скрывать детали, он не мог скрыть замешательства и боли, которые теперь доминировали в его мыслесвете.

Зоркий Глаз внимательно попробовал этот мыслесвет, но не увидел никаких признаков того, что Проворные Пальцы собирался позвать на помощь. Вскоре, однако, он должен был преодолеть свой первоначальный шок и позвать кого-нибудь — возможно, старшую певицу памяти. Поэтому Зоркий Глаз не мог откладывать свой следующий шаг, как бы сильно он не сочувствовал замешательству молодого кота.

<Если Бич Пловца не рассказал твоему клану, что он сделал,> сказал Зоркий Глаз, немного ослабив свой гнев и заменив его задумчивостью, которая далась ему легко, потому что это было более естественно для него, <тогда, возможно, мне стоит рассказать им. Возможно, Бич Пловца сомневается, что остальные члены клана Окутывающих Деревья согласятся, что он выбрал правильный курс, убив Красного Утёса. Возможно, ему стыдно за то, как он усилил мою боль в связи со смертью моего товарища из-за жестокости своих насмешек. Возможно, клан Окутывающих Деревья должен это услышать.>

<Нет! Не надо... Это было бы... Я же сказал тебе, мы уже... >

Мысли молодого кота стали совершенно бессвязными. Зоркий Глаз поспешил предложить компромисс.

<Возможно, я мог бы подождать... Но если я соглашусь, ты должен пообещать мне не звать на помощь. Я хочу, чтобы ты пошёл со мной, чтобы увидеть мой клан. Я хочу, чтобы ты мог засвидетельствовать, насколько серьёзна наша нужда. Пока что твой клан держится на расстоянии. Вы могли рассматривать наше тяжелое положение так, будто это просто вопрос вашего удобства. Я хочу положить конец этому.>

Зоркий Глаз полностью открылся молодому коту, позволяя ему увидеть, что он не причинит ему никакого вреда, что он может быть освобожден немедленно — но что Зоркий Глаз был столь же искренен в выполнении своей угрозы.

Проворные Пальцы не предложил ответную открытость, а долгое время задумчиво молчал. Когда пришел его ответ, он светился искренностью.

<Я пойду с тобой, Зоркий Глаз из Безземельного клана. Я обещаю, что расскажу своему клану то, что узнаю о твоём клане. Взамен пощадите ли вы моего дядю?>

<На время. Я не понимаю, как можно вечно скрывать правду, но я также не понимаю, как

конфликт внутри вашего клана поможет моему.>

<Достаточно честно. Ты можешь снять с меня эту сеть. Я пойду с тобой по собственному желанию.>

Зоркий Глаз принял его обещание. Мыслеголоса могут скрыть некоторые аспекты события. Например, Бич Пловца смог замаскировать собственное эмоциональное состояние под реакцию на напряжение текущих событий. Однако никто не мог вести себя нечестно по отношению к другому, когда они стояли достаточно близко, чтобы читать мысли друг друга. Он не видел никаких признаков того, что Проворные Пальцы был незаинтересован в том, чтобы делать все возможное для сохранения внутреннего мира своего клана — а если это также поможет Безземельному клану, тем лучше.

Зоркий Глаз поговорил с Крепким Когтем и Сильно Кусаящим, поделившись с ними тем, что произошло. <Я отведу Проворные Пальцы к нынешнему гнездовью нашего клана. Вы двое должны патрулировать эту границу и предупреждать, если кто-нибудь придёт искать Проворные Пальцы. Не идите на конфронтацию. Это может свести на нет всё, что мы сделали до этого момента.>

Оба охотника согласились. Убедившись, что их спины защищены, Зоркий Глаз повёл Проворные Пальцы на встречу, которая, как они оба надеялись, изменит судьбы их кланов.

* * *

Зоркий Глаз предупредил членов своего клана, что он ведёт с собой Проворные Пальцы.

<Это молодой кот, который всё еще в шоке от новостей о том, что сделал Бич Пловца. Если можете, будьте с ним мягче. Даже если у вас осталось мало терпения, помните, что судьба нашего клана может зависеть от того, какими он увидит нас.>

Он размышлял, что увидит Проворные Пальцы. Даже в расцвете сил Качающиеся Листья были кланом среднего размера, потому что горы не были гостеприимны для крупных кланов. И всё же они были зажиточными и сытыми. Горы давали им хороший камень для инструментов. У них были рощи зелёных игл и серой коры, с которых они собирали семена. Самки с маленькими котятми ухаживали за зарослями золотого уха и другими подобными растениями с толстой корой. И семена, и кора растений хранились до холодных зимних дней, когда охота и рыбалка становились более трудными.

Теперь они были безмерно бедны. Даже толстый мех не мог скрыть того, что большинство из них исхудало. Более того, многие члены клана погибли в пожарах, другие — вскоре после этого, и требовалась огромная потребность в поддержке клана, чтобы выживший из связанной пары продолжал жить после того, как один из пары умер.

Что еще хуже, многие из выживших были очень старыми и немощными или очень молодыми. С них начал эвакуацию клан Качающихся Листьев. Более молодые и более сильные члены клана

остались, чтобы спасти всё, что могли, из хранящейся еды и инструментов — задача, которая считалась особенно важной, потому что уже тогда старейшины клана сказали, что пожары уничтожат большую часть их территории, и им понадобится всё возможное, чтобы пережить зиму.

Это было решение, которое дорого им обошлось, когда внезапно закружились ветры, погнав перед собой пламя, как бурю.

Зоркий Глаз отчаянно хотел узнать, какими их увидит Проворные Пальцы. Увидит ли он их нужду, или он увидит группу беженцев — слишком много молодых, слишком много раненых, слишком много пожилых, чтобы быть чем-то, кроме обузы для клана Окутывающих Деревья? Зоркий Глаз был уверен, что Бич Пловца смотрел бы на них именно так. Не напрасно ли было надеяться, что его племянник будет смотреть по-другому?

Проворные Пальцы молча прошел между членами Безземельного клана. Очень немногие говорили с ним, но свет их разума красноречиво свидетельствовал об их надеждах и нуждах. Только котята, которые слышали только сказки о зиме, были менее красноречивы в своем отчаянии, но даже в них оставили следы горе и утраты.

Зоркий Глаз шагал позади Проворных Пальцев, готовый защитить его, если кто-нибудь из Безземельного клана забудет, что он был здесь гостем, а не врагом. Он осторожно попробовал на вкус мыслесвет Проворных Пальцев, надеясь получить ключ к разгадке того, как он будет о них судить. Несомненно, были отголоски сочувствия и общей боли. Конечно, Проворные Пальцы видел их такими, какими они видели самих себя — ранеными, но с возможностью исцелиться и снова стать сильными.

Надежда зарождалась в сердце Зоркого Глаза, когда внезапный громкий крик достиг его разума. Он исходил от Длинного Голоса, разведчика, который разместился там, где он мог передавать сообщения от Крепкого Когтя и Сильно Кусаящего.

<Они идут! Они идут! Окутывающие Деревья выследили Проворные Пальцы. Они идут ему на помощь и хотят нас уничтожить!>

* * *

Любой кот, выросший достаточно, чтобы клан считал его взрослым, слышал песни памяти, которые вспоминали те редкие и ужасные времена, когда коты сражались друг с другом. Такие времена были редкостью, и песни, сохранившиеся в памяти, были старыми, потускневшими, но все же ужасающими по своей силе. Но Зоркий Глаз вскоре обнаружил, что даже их ужасная сила далека от действительности.

Клыки и когти были наименьшим из применявшихся видов оружия. Чтобы клан сражался с кланом, эмпатия, которая связывала даже котов из разных кланов, должна быть смыта волной эмоций, настолько сильных и яростных, что они лишали осознания других как Личностей, превратив их во Врагов.

Так было и с членами клана Окутывающих Деревья, которые налетели на временное гнездовье

Безземельного клана. Их мысли были наполнены яростью из-за того, что их доброта была встречена с жестокостью, страхом за Проворные Пальцы, видениями о том, что его постигли ужасные мучения. Атакующая масса была безумна, потому что если бы они были способны рассуждать, они могли бы дотянуться до разума Проворных Пальцев, обнаружить, что он жив, узнать от него, что на самом деле произошло.

Но разум исчез. Остались клыки и когти.

Уже опустошённый своими многочисленными потерями, голодом и страхом будущей зимы, Безземельный клан быстро пришел в ту же бессмысленную ярость, как и клан Окутывающих Деревья. Старейшины увели запаниковавших котят в укрытие, пары устремились в ужасный бой, их объединенный мыслесвет усиливал их общий страх, превращая в ярость берсерков.

Захваченный этими двумя эмоциональными бурями, Зоркий Глаз изо всех сил старался сохранить остатки разума. Он чувствовал, что Проворные Пальцы пытается сделать то же самое. Он слышал, как Проворные Пальцы кричал во весь голос, что с ним всё в порядке, что произошла ошибка, что нет необходимости драться.

Но Окутывающие Деревья были глухи к голосу разума. Волна страха поднялась выше причины, вызвавшей эту атаку. Их групповой ум решил, что Безземельный клан должен быть уничтожен прежде, чем они смогут угрожать будущему Окутывающих Деревья. Проблески в их мыслесвете показали Зоркому Глазу, что они видели Безземельный клан не таким, каким он был, а как сочетание холодной, белой силы зимы и тесноты земель, которые внезапно стали казаться слишком маленькими, чтобы поддерживать их существование.

И на этом фоне Зоркому Глазу показалось, что он нашёл разум, более безумный, чем все остальные — повреждённый стрессом разум Бича Пловца.

Изо всех сил пытаясь сохранить свою индивидуальность, Зоркий Глаз потянулся своим мыслеголосом, чтобы коснуться разума Проворных Пальцев. <Затаись, потому что если ты умрёшь, не будет никакой надежды! Спрячься!>

Затем он напряг мускулы для большого прыжка, стараясь изо всех сил выделить голос Бича Пловца из бури мыслесвета, закручивающейся вокруг него во многих разноцветных эмоциях.

Он нашел мыслесвет, который искал. Бич Пловца безумно ликовал, врезавшись в мать Крошечного Хора, избивая её не только клыками и когтями, но и решимостью убедить её, что ни она, ни её котята не заслуживают жизни на земле, не имеющей возможности их поддерживать.

<Ты должна умереть! Умри! Мясо и кости превратятся в пепел. В удобрение для подкормки повреждённого леса. Умри сейчас! Пусть кровь исцелит израненную землю!>

Картина была почти невыносима для Зоркого Глаза. Он прыгнул вперёд, вытянув конечности изо всех сил, шесть наборов когтей протянулись, чтобы раздирать и рвать. Он попал в цель, почувствовал поток крови, утонул в безумии за пределами своего понимания.

Тем не менее Зоркий Глаз изо всех сил пытался сохранить здравомыслие, борясь за свой клан, но также и за клан Окутывающих Деревья, борясь за надежду на примирение, которое казалось возможным всего лишь мгновением назад.

Его пасть увлажнилась кровью, смешанной с мехом, Зоркий Глаз почувствовал, как голос Бича Пловца стихает, уходя в бессознательность. И всё же отзвуки его безумия было не так легко унять. Боевой шторм бушевал вокруг того места, где они сцепились.

Зоркий Глаз не знал, кто его ударил — один или многие. Его боль была завыванием ветра в шторме страха и страдания.

Тьма, охватившая его, была бы желанной, если бы не сожаление о том, что он потерпел неудачу.

* * *

— Я думаю, что маме придется положиться на нас, чтобы сделать это, — засмеялась Джессика, подобрав Андерса. — Надеюсь, ты не против.

— Конечно, нет, — сказал Андерс, садясь в аэрокар рядом с ней и преподнося Храбрецу кусок сельдерея вместо приветствия. — С тех пор, как появились КА, вся команда папы стала невероятно сосредоточенна. Не то чтобы я не люблю антропологию, но бывают случаи, когда мне действительно нужен перерыв.

Храбрец промяукал благодарность Андерсу и прыгнул на заднее сиденье, чтобы съесть свой сельдерей, не пачкая Джессику. Джессика поставила машину на курс и откинулась на спинку сиденья.

— Мама просила меня расширить зону сбора. Она хочет пробы растений с окружающих мест, чтобы сравнить с теми, которые растут в восстанавливающихся местах.

— В этом есть смысл, — ответил Андерс. — Хочешь начать сегодня? Погода прекрасная.

— Ты не возражаешь? Я не хочу надоедать тебе.

— Эй, Джесс, расслабься. Ты никогда мне не надоедаешь.

— Я... — Джессика наклонилась вперед и сделала ненужные изменения в управлении аэрокара. — Я думаю, я удивлялась... Беспокоилась. Я имею в виду, ты привык к Стефани. Она намного интереснее. Я имею в виду, посмотри на её учёбу, на людей, которых она встречает... Я просто не в той лиге.

Андерс импульсивно протянул руку и легко положил Джессике на плечо. — Джесс... Стефани великолепна, действительно великолепна. Мне было очень хорошо с ней, но она довольно эмоциональная. Ты интересная, но не такая эмоциональная.

— Я понимаю, — ответила Джессика, и невозможно было не слышать горечь в ее голосе. — Стефани похожа на крепкую, шипучую газировку. А я похожа на тёплое молоко.

Андерс прекрасно понимал, что его рука всё ещё лежит на её плече, и он чувствовал, что если он уберёт руку, она почувствует, что её отвергают. Он оставил руку на месте, стараясь не думать о том, как хорошо было бы подвинуться поближе и обнять ее. Джессика была выше Стефани и обычно казалась такой уравновешенной и взрослой. Но прямо сейчас она казалась маленькой и хрупкой, очень нуждающейся в утешении.

Он глубоко вздохнул. — Джессика, ты не похожа на тёплое молоко. Мне не нравится тёплое молоко, а ты мне нравишься. Так что просто перестань.

Джессика прерывисто засмеялась. — Извини. Мне не следовало напрашиваться на комплименты, особенно от тебя. Просто сейчас тяжелые времена из-за болезни Тиддлз. Я говорила тебе, что папу снова чуть не уволили? Он остался дома, чтобы позаботиться о Тиддлз и вроде как забыл позвонить. Иногда я не понимаю, почему мама мирится с ним.

Она вздохнула. Храбрец мяукнул с заднего сиденья, затем грациозно вскочил, чтобы успокаивающе погладить Джессику по щеке, прежде чем соскользнуть к ней на колени. Андерс решил, что древесный кот дал ему хороший повод убрать свою руку, и сам удивился тому, как неохотно он сделал это.

"Это не потому, что Стефани далеко. Я имею в виду, что я не такой легкомысленный. Просто Джессика... Она действительно такая милая. Она всегда что-то делает для других. Я бы хотел... Я хотел бы сделать что-нибудь для неё, что-нибудь, чтобы показать ей, как я ценю её. Отец Джессики не ценит её, а мама слишком полагается на неё, чтобы по-настоящему ценить...

Его мысли совсем запутались, чему способствовало то, что он думал, что Храбрец забавляется, смотря на него. Андерс знал, что бесполезно читать человеческие эмоции на этой покрытой шерстью физиономии, но все же было что-то в положении усов и изгибе ушей...

Он понял, что тишина длится неприятно долго, и ухватился за первое, о чем мог подумать.

— Думаю, твоя мама мирится с твоим отцом, потому что любит его. Любовь заставляет людей делать действительно невероятные вещи. Я имею в виду, я иногда думаю, почему моя мама остается с моим отцом. Он так одержим работой, и брак с профессором колледжа ничего не дает для её карьеры. Но когда он попал в беду, она оказалась рядом с ним, свирепая, как неохотный тигр. Я почти уверен, что без её связей у него было бы гораздо больше проблем с университетом.

— Любовь... — задумчиво сказала Джессика. — Это имеет такой же смысл, как и всё остальное. Я не могу понять, почему люди любят друг друга. Иногда это кажется довольно плохим способом для вида продолжать своё существование. Влюблённые люди совершают самые глупые ошибки. Маме надо было выйти замуж за хорошего мужчину, который мог бы дать ей стабильность. Людям, которые любят растения, нужно пускать корни.

— Но может быть, — возразил Андерс, думая о том, как Бадди Ферисс столкнулся с Даффом ДеВиттом, — может быть, твоя мама хотела, чтобы кто-то не давал ей... ну, ограничиться горшками. Ты знаешь, говорят "противоположности притягиваются".

Джессика рассмеялась, на этот раз без напряжения. — Что ж, мои родители могут быть иллюстрацией этого. Но я не думаю, что похожа на свою маму. Мне не нужен кто-то, о ком всегда придётся беспокоиться. Я хочу кого-то устойчивого в трудных ситуациях, а не такую очаровательную ртутную каплю, как папа.

Она произнесла это так твёрдо, что Андерс чуть не спросил, нет ли у неё на уме кого-то конкретного. Он проглотил вопрос до того, как высказал, понимая, что не был уверен, хочет ли он знать ответ.

"А почему бы нет? Разве ты не должен ей помочь? Может быть, ты мог бы быть посредником. Или ты не хочешь знать ответ, потому что боишься его по какой-то другой причине?".

Теперь Андерс был уверен, что Храбрец насмешливо изучает его, и понял, что краснеет. Уже плохо, что он едва мог сформировать связную мысль без какого-то отстраненного частного комментария.

— Ну, — сказал он немного неубедительно, — по крайней мере, ты думаешь, что твой отец очарователен. Это лучше, чем ненавидеть его за то, через что он заставил пройти вашу семью.

— Хорошая мысль, — сказала Джессика. — Расскажи мне о своей маме. У тебя есть преимущество передо мной. Ты знаком с обоими моими родителями. Я знакома только с твоим отцом.

Андерс был благодарен за смену темы, даже если подозревал, что Джессика снова демонстрирует свой талант думать о других, на этот раз о нём. Он ухватился за это, решив, что по крайней мере будет забавно.

Его рассказ о карьере его матери в политике и о том, как она старалась быть внимательной матерью, несмотря на требования её карьеры, занимал их до конца поездки. Он закончил свой рассказ, когда автопилот перешёл в режим посадки.

— Однажды мама была на приёме у иностранного посла, но думала о моём дне рождения. Когда они заиграли национальный гимн, она вместо этого начала петь песню ко дню рождения. Однако ей повезло. Оказалось, что это был день рождения жены посла, и все думали, что мама сознательно сделала это. Но позже она сказала нам правду...

Джессика развернула машину и приземлилась на их обычном месте на краю сгоревшего леса.
— Красивая история. Ты, наверное, очень по ней скучаешь.

— Скучаю, но... ну... — Андерс вышел из машины и пошел помочь Джессике разгрузить

оборудование. — Моя семья никогда не была такой, как твоя или Стефани. Если мы вместе едим, это может быть раз в неделю, и то не всегда. Я привык к редким контактам.

Джессика понимающе кивнула. — Займёшься съёмкой? Координаты уже загружены, если ты сомневаешься, какое растение нам нужно. Я возьму пробы почвы и измерю влажность.

— Хорошо.

Они сделали первую серию измерений, затем переместились на новое место, ближе к линии деревьев.

— Когда закончим здесь, пойдем в лес, — сказала Джессика. — Я заметила с воздуха поляну, где мы можем приземлиться. Это должно быть хорошее место, чтобы получить образцы, которые просила мама.

— Согласен.

Не успели они приземлиться на новом месте, как Храбрец продемонстрировал все признаки сильного волнения.

— Интересно, не чувствует ли он какого-то хищника? — спросил Андерс, нервно протягивая руку, чтобы убедиться, что его пистолет там, где он должен быть. — Мы достаточно высоко, чтобы оказаться в нижней части территории горного медведя. И гексапумы повсюду в этой местности.

Джессика покачала головой. — Это не так. Храбрец нетерпелив, но осторожен. Он не так реагирует, когда чувствует опасность.

Она посадила аэрокар, и Храбрец выскочил, как только она открыла дверь. Он мяукнул, торопя Джессику, и умчался.

Джессика рванула за ним, даже не остановившись, чтобы закрыть дверь. Андерс сделал это, думая обо всей неисследованной опасной дикой природе Сфинкса. Затем он бросился за ними.

Они находились в частокольном лесу, поэтому нижний уровень в основном был чистым, без зарослей кустарника. Андерс следил за сине-жёлтыми вспышками рубашки Джессики. Пробежав около ста метров вглубь леса, она крикнула.

— Андерс! Принеси из машины мою аптечку. Мы нашли ещё одного древесного кота. Он сильно ранен, но ещё жив!